

В.М.Петров

**Противоречия креативной среды в информационном обществе:
Возникающие социальные и психологические проблемы**

Резюме. Являясь ключевым фактором на современном этапе социального развития, креативность порождает социальные конфликты, связанные с неравномерным распределением творческой деятельности (закон Прайса). Растущая «элитарность» в трудовой иерархии контрастирует с «псевдо-демократическими» установками, равно как и с «параболической тенденцией» снижения степени неравенства (С.Казнец). Рассмотрены психологические характеристики основных «персонажей» – участников борьбы за смену доминирующей иерархии. Борьба принимает разные облики, что затрудняет благополучное разрешение острых социальных конфликтов.

Ключевые слова: информация, творчество, инновации, культура, искусство, политика, наукометрия, гиперболические распределения, неравенство, пост-демократическое общество.

Стал уже общим местом тезис о важности творческих процессов для развития современного общества. Креативность считается важнейшим фактором в рамках разных концепций, включая модели, основанные на *системно-информационном подходе* (разделяемом нами; см., например: Голицын, 1997; Голицын и Петров, 1990, 1991, 2005; Петров, 2007; Golitsyn & Petrov, 1995). Более того, в рамках последнего появились наработки, относящиеся к оптимизации всей социальной сферы, – если оптимизацию эту осуществлять для того, чтобы обеспечить креативности благоприятную среду (Петров, 2013). Тем не менее остаются не выявленными *социальные и психологические противоречия* и конфликты, сопровождающие рост креативности и способные затормозить этот рост – либо даже повернуть его вспять. Именно эти противоречия и станут предметом нашего анализа.

1. Распределение креативности – последствия растущего неравенства

Весь мир насилу мы разрушим
До основанья, а затем
Мы наш, мы новый мир построим,
Кто был никем, тот станет всем.
*Из детских воспоминаний –
слушание по радио гимна «Интернационал»*

Поскольку наш анализ нацелен преимущественно на социальные и социально-психологические феномены, – его следовало бы начать с наиболее крупномасштабной проблемы, каковой является *распределение креативности* среди населения. Тут представляется логичным выделить *две подпроблемы*:

а) распространенность креативных способностей среди населения;

б) собственно распределение креативной деятельности в реальной социокультурной среде.

Вообще-то, нас должна была бы интересовать прежде всего первая (а) подпроблема – как увеличить *масштабы креативности*, то есть долю креативных личностей? Здесь возникает целый ряд вопросов: каковы градации творческих способностей личности? существуют ли пределы увеличения доли творческих личностей среди населения? а если такие пределы существуют, то каковы они в количественном измерении, чем определяются, *etc.*? По поводу этих вопросов имеются различные суждения, на коих, однако, мы не будем останавливаться, предполагая, что в настоящее время большинству социумов, скорее всего, еще далеко до приближения к границе, по ту сторону которой нет (или почти нет) личностей, способных к творчеству. Во всяком случае, имеющийся исторический опыт свидетельствует о том, что, как правило, потенциальные ресурсы креативности еще далеки от исчерпания. (И это относится даже к тем культурам и популяциям, генофонд которых пострадал от сильных разрушающих воздействий; обычно генофонд оказывается способным более или менее быстро восстанавливаться.)

В реальности же обычно препятствуют росту креативности – сугубо *средовые*, чисто *социокультурные факторы* – такие, как подавление детских творческих способностей – действующей воспитательной (и/или образовательной) системой, отсутствие должной стимуляции креативной компоненты в трудовой деятельности, общий не-креативный (а порой анти-креативный) «настрой» всей социально-психологической сферы, *etc.* [Из числа наиболее фундаментальных трудов, посвященных этой и смежной тематике, следует назвать, например, работы Х.Айзенка (Eysenck, 1995), Д.К.Саймонтона (Simonton, 2004) и Д.В.Ушакова (2011).] Посему наше последующее рассмотрение будет обращаться именно к *средовым факторам*, отражаемым второй (б) подпроблемой, – ведь речь должна пойти о серьезных *социокультурных противоречиях*, которые могут порождаться динамикой креативности. А значит, наш анализ должен начинаться не с каких-либо конкретных, частных проблем, – но с самых крупномасштабных, *универсальных*

закономерностей, – если таковые могут быть обнаружены в функционировании всевозможных видов творческой деятельности.

К счастью, такие закономерности известны, и из их числа несомненное первенство принадлежит феномену “*концентрации и рассеивания*”. Он имеет действительно универсальный характер, относится к самым разным областям творчества, включая научную и художественную деятельность. Существуют различные описания этого феномена (см., например, Петров и Яблонский, 1980), заключающегося в том, что подавляющее большинство достижений сообщества, занятого в какой-то области (скажем, в какой-то ветви науки), – создаются усилиями очень небольшого числа творцов – “*элитой*”, а значительная часть сообщества малопродуктивна, играет роль “*балласта*” (хотя, быть может, нужного системе).

Так, согласно знаменитому “*закону Прайса*” (Price, 1963; Martindale, 1995), если в какой-то области науки имеются публикации N авторов (ученых), – то половина (ровно 50%) публикаций в данной области принадлежит перу $\sqrt{N}$ из них. Скажем, если в данной области творческой деятельности опубликовано (на протяжении какого-то отрезка времени) 150 статей, принадлежащих перу 100 исследователей, – то 75 статей написаны $\sqrt{100}=10$ авторами. Стало быть, на каждого из этих 10 “*элитных*” ученых приходится, в среднем, $75/10 = 7,5$ статьи, а на среднего не-элитного ученого – только $75/90 = 0,8$ статьи, то есть в 9 раз меньше! И хотя, строго говоря, процедура усреднения в подобных ситуациях статистически некорректна, – она все же дает какое-то представление о масштабах *неравенства*.

Из данного закона следует важнейшее *динамическое следствие*: при расширении любой области творческой деятельности – она становится все более и более «*элитистской*», *доля основных творцов постоянно уменьшается*. [Так, при десятикратном увеличении численности “*пишущего*” научного сообщества, со 100 ученых до 1000, на “*элиту*” будет приходиться уже $\sqrt{1000}\approx 32$ автора, то есть доля элиты упадет до 3% – вместо прежних 10%!] Эту закономерность – уменьшение процентной доли “*решающих творцов*” – наглядно иллюстрирует Рис. 1. Он показывает, что если в какой-то области главную роль играет *творчество*, – то важнейшей для развития этой области является деятельность *очень небольшой*

группы творческих личностей, едва ли составляющей несколько процентов (либо даже гораздо меньше) от общего массива, и доля этой группы в численности массива постоянно уменьшается. (Притом относительная значимость каждого “элитного творца” постоянно растет. Так, если научным сообществом, состоящим из 1000 авторов, опубликовано 1500 статей, то на среднего “элитного” автора придется $750/32 = 23,5$ статьи, тогда как на среднего “заурядного” – только $750/968 = 0,8$ статьи. Значит, разрыв между «верхами» и «низами» достигнет уже 30 раз!)

 Вставить Рис. 1: Закон Прайса – падение доли «решающей элиты»

К этому следует добавить другой *долговременный тренд* (на фоне которого протекает описанный рост «элитизма») – *возрастание роли информации* – в сравнении с ролью ресурса. А значит, увеличивается и *значимость творческих процессов* во всей социальной жизни. Таким образом, феноменом «растущего элитизма» оказывается охвачен *все больший сегмент социальной жизни*.

Все это создает предпосылки для *радикальных изменений* во всей *социальной сфере*, и в первую очередь – в сфере *этики*. Главное – что такие радикальные изменения должны неминуемо отразиться на *всех иерархиях*, имеющих дело с информационной деятельностью.

2. Социальная и ментальная жизнь – идущая повсюду инверсия иерархий

Один с сошкой – семеро с ложкой.

*Народная мудрость – принципиально неверная для
 своего времени (но предвосхитившая реалии будущего)*

Практически вся социальная – и не только! – жизнь держится на тех или иных *иерархических структурах*. (Понимание важности таких структур широко распространилось после появления книги Артура Кестлера (Koestler, 1968.) Ведь даже жизнь биологическая – тоже является результатом построения неких «пирамидальных структур», причем природа их может быть самой разной. Пожалуй, наиболее известная из таких структур – пирамида биологических популяций, обитающих в какой-то местности. На нижних этажах подобных пирамид (изучаемых экологией) происходит переработка солнечной энергии – в химическую, и образуется органическая материя – флора; далее эти процессы сопровождаются частичным преобразованием химической энергии – в различные формы энергии

механической, реализуемой в деятельности фауны; а на самых верхних этажах проживают хищники, питающиеся фауной этажей предыдущих. Это – «материально-вещественная» иерархия биосферы. На самом же деле, при более глубоком анализе, эта пирамида предстает как иерархическая *многоуровневая структура переработки информации*.

Такую пирамидальную информационную структуру можно представить также применительно к *психологическим и социальным процессам*. На Рис. 2 показана схема информационной деятельности человека (или любого живого существа, либо социальной организации): информация I_M , поступающая на каждый M -й уровень, перерабатывается на нем, – и ее наиболее существенная часть (I_{M+1}) передается на следующий, вышележащий $M+1$ -й уровень; а этот последний «спускает» предыдущему уровню критерии K_M – правила отбора нужной информации.

 Вставить Рис. 2: Иерархическая структура переработки информации

Нагляднее всего иллюстрирует работу такой иерархии, как это ни парадоксально, пример некоей *административной организации* – скажем, министерства, которое руководит определенной отраслью народного хозяйства. Сведения, поступающие с подведомственных предприятий, сначала обрабатываются на самом нижнем уровне, – допустим, именуемом Отделом. (На этом этаже иерархической структуры могут фигурировать конкретные сведения, характеризующие работу каждого предприятия: его успехи, недочеты, потребности и т.п.) После переработки на данном уровне, наиболее существенная часть сведений передается – уже в обобщенном виде, как набор более или менее абстрактных показателей – на уровень Управления (каковое «спускает» нижележащим отделам критерии отбора требуемой информации). Оно обрабатывает аналогичным образом сведения от различных отделов, и наиболее существенную информацию отправляет наверх – в Главк, работающий совершенно аналогичным образом, – чтобы проинформировать Заместителя Министра, и т.д., – вплоть до главы государства. Поднимаясь на каждый следующий уровень, информация «свертывается», становится более компактной. (Есть соображения относительно масштабов этого

свертывания: целесообразно каждый раз уменьшать объем передаваемой информации в 8-9 раз – см. Голицын и Петров, 1990.) При этом каждый следующий уровень является более «могущественным», чем предыдущий, – посылая команды, которые определяют деятельность нижележащих уровней – вплоть до «низовых» предприятий. Именно подобные иерархии легко образуются (по принципу «матрешки») и способны обеспечить эффективную работу отрасли в целом.

Универсальность таких пирамидальных структур иллюстрирует также пример *научного знания*, каковое обычно стремится именно к уровневому, иерархическому строению (см. подробнее: Golitsyn & Petrov, 1995). В любой научной области на нижнем этаже фигурируют конкретные *факты*, наблюдаемые различными исследователями. (Например, в механике сначала имелись наблюдения за предметами, падающими под воздействием земного тяготения.) На следующем уровне эти факты обобщаются – и отражаются уже в форме неких *закономерностей* (например, описывающих равномерно-ускоренное движение). На еще более высоком уровне – разные закономерности, будучи сопоставлены друг с другом, – оказываются подчиняющимися некоему общему закону (например, второму закону Ньютона), и т.д. Словом, как писал великий английский поэт У.Х.Оден (1940),

*Law, say the gardeners, is the sun,
Law is the one
All gardeners obey
To-morrow, yesterday, to-day.
.....
Law is the Law.*

В *сфере социальной* – мы также видим (и это естественно) аналогичные пирамидальные структуры. Подобно тому, как это имеет место в экологических системах, – здесь выстраиваются *различные иерархии*, относящиеся к разным аспектам социальной (и/или социально-психологической) жизни. Пирамиды эти нужны для того, чтобы обеспечить должное развитие тех или иных социальных подсистем. Скажем, в отечественной *научной жизни* формируется иерархия, отражаемая *учеными степенями* и имеющая три «этажа»: отсутствие степени – кандидат наук – доктор наук. Подняться на следующую ступеньку – является стимулом для энергичной деятельности сотрудника, ибо он надеется на соответствующее повышение престижа, а быть может – и жалованья. Впрочем, в

социуме обычно соприсутствует целый ряд различных иерархических структур. Более того, как было недавно показано (Петров, 2009, 2013), именно *невысокая корреляция* между разными иерархиями, одновременно функционирующими в социуме, необходима для социального прогресса.

[Вот два примера рассогласованности иерархий. Первый вспоминающийся автору пример – диссидентский анекдот “застойной эпохи” 1970-х годов. В дом к светской даме приходят гости – и застают хозяйку за пишущей машинкой: она перепечатывает толстенную книгу – Лев Толстой, “*Война и мир*”. На вопрос изумленных гостей о цели перепечатки – дама отвечает: ее сыну-подростку велели, в школе, прочитать этот роман, – а ее сын не доверяет ничему, что издано официально! – Такова была, в некоторых социальных слоях, иерархия писателей: чем более запретны, – тем престижнее! И это – на фоне действовавшей официальной иерархии советских писателей, с их госпремиями и прочими регалиями. А к официально издаваемой периодике, газетам и журналам, – отношение в некоторых слоях интеллигенции было совсем в духе пресловутого “наплеви́зма”; их всех, без различий, смешивали и относили к одной общей “куче”, так что недаром ведущий поэт 1960-х, отражавший взгляды этих слоев, Юрий Фрейдин, писал: “*А один ходил по лужам, / Будто кал / Выбирал: / Какая редакция лучше – / Литгазета или Юность?*” – Имелся в виду распространенный тогда взгляд на разницу оттенков официозных литературных органов: как между калом собачьим и кошачьим.

Другой пример относится к студенческой молодости автора. Он проходил инженерную практику на гидроэлектростанции в Прибалтике – и наблюдал иерархию, сложившуюся в поселке работников ГЭС: авторитетность каждого инженера оценивалась вовсе не по его профессиональным (электротехническим) качествам, – но по масштабам его приусадебного хозяйства. Так что к одному инженеру (кстати, парторгу коллектива) относились очень уважительно: “*У него прекрасный огород и две коровы!*” – тогда как другого инженера, напротив, оценивали крайне уничижительно: “*У этого даже козы нету!*”]

В каких *взаимоотношениях* состоят, чаще всего, различные социальные иерархии? И какова динамика этих взаимоотношений? Тут следует указать по

крайней мере на *два фактора*, приводящих, все-таки, к неким *чертам общности*, имеющимся у разных сосуществующих иерархий.

Во-первых, какие-то *взаимовлияния иерархий* неизбежны – и это приводит-таки к определенной положительной корреляции между ними. Ведь в противном случае (то есть если бы иерархии были совсем независимыми – либо если бы корреляция была отрицательной) – это означало бы *дезинтеграцию*, социальную и/или ментальную. *Социальная дезинтеграция* может наступить, – когда иерархии относятся к разным *социальным группам* (например, к читателям официозной советской периодики – и к потребителям «самиздата» либо «тамиздата»), – но это приводит к поляризации общества, его разделению на разные подмассивы, находящиеся в антагонистических отношениях. Если же полный «разрыв отношений» не произошел, – то различные иерархии *влияют совместно* на одних и тех же индивидов. [Поэтому, скажем, даже в диссидентских кругах всегда “незримо присутствовали” также и официальные иерархии, – пусть даже на “периферии подсознания” отдельных членов этой социальной группы.] Поэтому какая-то положительная корреляция между иерархиями должна иметь место в социуме – дабы он не рассыпался. Что же до опасности *дезинтеграции ментальной*, – то здесь действуют совершенно аналогичные соображения. [Потому-то, скажем, в коллективе вышеописанного прибалтийского поселка энергетиков, – должны были бы согласовываться, друг с другом, обе иерархии: по инженерным качествам и по хозяйственности. Так что, быть может, неслучайно первоклассный инженер был одновременно и парторгом, и прекрасным хозяином приусадебного участка.]

В итоге, практически всегда следует ожидать какой-то *положительной корреляции* между функционирующими в обществе социальными иерархиями. А следовательно, вполне можно говорить о наличии некоей более или менее общезначимой *единой социальной иерархии*, пронизывающей весь социум. Очевидно, эта иерархия должна быть тесно связана со *значимостью* индивидов (и/или осуществляемой ими деятельностью) – для *функционирования социума*.

А во-вторых, ситуацию усугубляет (подкрепляет вывод о наличии в социуме некоей общей иерархической структуры) *анализ динамики* – определенной взаимной

согласованности в эволюции разных иерархий. Здесь “секрет” заключается в том, что все иерархии движутся в одном и том же, *общем направлении*, – ибо оно детерминировано задачей, вполне разумной и естественной, характерной для любой иерархии: *постоянно совершенствовать* иерархические структуры, все лучше справляющиеся со своими задачами. В чем может проявляться подобный “перфекционизм”? – Тут магистральной линией является, конечно же, *возрастание относительной роли высших уровней* иерархической структуры. (Часть этой тенденции составляет сам факт сооружения все более высоких уровней, то есть само появление иерархической структуры.) Так, все *научные теории* (относящиеся к любой области знания) претерпевают “перфекционистскую эволюцию” в сторону *растущей значимости высшего, чисто теоретического уровня*.

Особенно явственно такая “*элитистская тенденция*” (думается, читателю понятен намек на рассматривавшиеся выше процессы роста элитизма) видна в физике, – где уже проявила себя ведущая роль верхнего “этажа”, на котором “проживают” сугубо абстрактные теоретические принципы (типа термодинамического принципа возрастания энтропии – либо исповедуемого нами “принципа максимума информации”). Уже имеется опыт чисто математической дедукции основных физических законов. Более того, появилась надежда на возврат к знаменитой “*программе Эйлера*” (Голицын и Левич, 2004) – дедуцировать весь Универсум, опираясь исключительно на некий “принцип оптимальности” (который будет, таким образом, наивысшей точкой теоретической модели, и эта наивысшая точка окажется способной определять поведение всех нижележащих “этажей” – вплоть до *самого “низа”* реальности). Аналогичную эволюцию (и в силу тех же “перфекционистских” причин) претерпевают и все другие иерархии, наличествующие в социуме. Это свойство эволюционных траекторий также способствует становлению и реальному существованию неких *общих иерархических черт*, характерных для всего *бытия социума*. [Как это ни парадоксально – на первый взгляд, – даже иерархии в физике – претерпевают ту же эволюцию, что таковые в социально-психологической сфере.]

Собственно, сейчас нас более всего интересует как раз последняя, *эволюционная закономерность*. Именно она проявляется в характере всех иерархий (как социальных, так и ментальных), функционирующих в социуме. Каково же главное изменение иерархий – при нынешней *трансформации жизни – переходе к обществу, основанному на креативности?*

Предыдущую стадию социальных – а также иных – иерархических структур иллюстрирует Рис. 3а, на котором показана *значимость* (“весомость”) различных иерархических уровней – по мере подъема вверх, вдоль пирамидальной структуры. Для *до-информационного этапа* значимость надстраиваемых уровней (в том числе тех, где протекает креативная деятельность) для текущей жизни социума была невелика, – ибо главную роль играли процессы *нижнего уровня* – работа с первичным материалом (природной средой). Над ними находились вспомогательные процессы, обеспечивавшие эту деятельность (технологически и социально); выше протекала деятельность (также и технологическая, и социальная), которая служила обеспечению этих вспомогательных процессов, и т.д. На каждом следующем этаже “проживало” *все меньшее количество* членов социума, – и процитированная (в эпиграфе) народная оценка была принципиально неверна: скорее наоборот, на “семерых с сошкой” – приходился один (руководитель, либо надзиратель, либо идеолог, *etc.*) «с ложкой». Так, во многих социумах действовало правило «церковной десятины»: церкви (которая обеспечивала основное идеологическое поддержание социума) отдавалась небольшая доля производимого продукта – 10%. О столь же небольшой доле «присваиваемого» прибавочного продукта (а значит, и о немногочисленности «паразитов») говорят и приводимые К.Марксом в «Капитале» примеры. Подобная пирамида с *широким основанием* и сужающимися кверху последующими этажами – была, во многих отношениях, вполне комфортной и устойчивой. [Столь же устойчивы обычно и экологические системы, в которых, например, численность хищников – много меньше, чем число жертв, которыми эти хищники кормятся. В искусстве число искусствоведов обычно гораздо меньше, чем число художников. А

в социуме – число воров обычно гораздо меньше численности обворовываемых. И только число взяточников – может быть соизмеримо с численностью населения!]

 Вставить Рис. 3: Значимость различных уровней в до-креативном обществе (а) и в креативном (б)

Но вот уже после перехода к *информационному этапу* – иерархия становится совсем иной (Рис. 3б). Как мы уже убедились (см. предыдущий раздел), теперь наиболее значимой оказывается деятельность очень *небольшой «креативной верхушки»* (численностью несколько процентов или даже менее), плодами которой пользуется большое число «паразитов». Разумеется, *инверсия* – смена *характера иерархии* на противоположный (когда действительно на одного «новатора с сошкой» – приходится «семь эпигонов с ложкой») происходит не мгновенно: ведь креативная деятельность далеко не сразу становится единственной (или основной) в социуме. Но, в конце концов, *ломка всех социальных устоев* – неизбежна.

3. Облики «борцов за иерархию»: милые мордашки – либо звериные оскалы?

Свет ночной, ночные тени,
 Тени без конца,
 Ряд волшебных изменений
 Милого лица.

А. Фет (1850)

Итак, уже начали происходить кардинальные перемены при переходе к информационному обществу, и *подлинный корень* их – в том, что теперь уже не производство «материально-вещественного продукта» является основой жизни общества, – но деятельность в *креативно-информационной сфере*. А последняя обладает определенными особенностями. С одной стороны, креативная деятельность – очень деликатна, капризна, для нее желательны многие *благоприятные условия*, – так что если социум заинтересован в ней (а это должно быть нормой!), то ее следовало бы обеспечить. [Данную проблематику мы уже достаточно подробно рассматривали ранее – см. Петров, 2013, с. 112-134.] С другой же стороны, креативная деятельность – сама может быть весьма *требовательной*, настойчивой. (Порой ее можно уподобить росткам травы, которые упорно пробиваются сквозь трещины в асфальте!) И если ее требования не выполняются, –

это может привести либо к *социальной напряженности* в социуме, либо к тому, что социум *потеряет* ценных носителей креативного потенциала.

[Тут следует учесть специфику нового информационного “продукта” – в сравнении с продуктом “материально-вещественным”, производившимся на предыдущем этапе. Можно было бы привести разные специфические черты, но, по-видимому, для нашего анализа важнее всего та, которая связана с “социальной циркуляцией” продуктов деятельности: большинство информационных “продуктов” не подчиняются закону сохранения, их можно без всяких проблем тиражировать – в отличие от продуктов вещественных, – заимствовать и т.п., и никакие законодательные меры не могут всерьез этому воспрепятствовать.]

Подойдя вплотную к реализации столь важного для социума процесса, как смена доминирующей иерархии, – нам, прежде всего, желательно выяснить, на каком *общем социально-контрастном фоне* (то есть на фоне каких общезначимых социальных контрастов) – предстоит действовать нашим *персонажам* – тем, которым придется совершать на практике интересующую нас инверсию. Очевидно, речь должна идти о самых *общих контурах социального неравенства*, а точнее – даже, главным образом, о *тенденциях* происходящей *эволюции неравенства*. И вот тут-то всплывает та специфика современных социальных ситуаций, которая не может не отразиться на “вербовке персонажей”, реализующих нашу инверсию.

Дело в том, что важнейшей долговременной тенденцией, характерной для развития любого социума, – является так называемая *параболическая зависимость*, которая связывает *степень социального неравенства* – с *общим объемом материального ресурса* – богатства, имеющегося в распоряжении социума. Эту зависимость иногда называют “кривой Казнеца” – в честь Саймона Казнеца (Самуила Кузнецца), удостоенного в 1971 г. Нобелевской премии за выдающиеся достижения в области экономики. Сущность этой зависимости (каковая также была теоретически дедуцирована в рамках системно-информационного подхода – Голицын, 1997) заключается в том, что при возрастании общего объема ресурса, которым располагает социум, – должно наблюдаться *сначала увеличение социального неравенства*, а затем, после достижения некоего максимального

значения, – *падение социального неравенства*. Таким образом, имеет место парабола (Рис. 4), начальный участок которой соответствует “равенству в нищете”, а конечный отрезок – “равенству в богатстве”, а в середине кривой наблюдается существенное различие между богатыми и бедными.

 Вставить Рис. 4 – Параболическая зависимость – степень социального неравенства (энтропия H) в функции общего ресурсного богатства социальной системы (R)

Именно такое поведение было многократно зафиксировано применительно как к динамике различных социумов, так и к их статике – сравнению социальных систем, находящихся на разном уровне ресурсного богатства. Что касается меры социального неравенства, – то здесь может быть использована энтропия, либо коэффициент Джини, либо иные статистические показатели.

[Заметим, что параболическая кривая была дедуцирована применительно к непосредственно-материальному потреблению, масштабы которого имеют определенные верхние пределы: скажем, человек не способен съесть больше какого-то количества пищи, не может носить больше какого-то количества костюмов, *etc.* А вот к «нематериальному» потреблению (допустим, к пожертвованиям на благотворительность) параболическая закономерность не относится.]

В настоящее время подавляющее большинство социумов находятся на “ниспадающем” участке описанной параболической кривой, – где имеет место рост общего ресурсного богатства системы, – сопровождаемый выравниванием членов социума по уровню материального потребления. (Правда, в некоторых странах наблюдается регрессивная эволюция системы: ее ресурс может временно уменьшаться, – и это обеднение обычно сопровождается ростом социального неравенства и напряженности.) Данная тенденция влечет за собой – применительно к складывающейся “уравнительной атмосфере” – важное следствие: *падает значимость материального неравенства*, и все требования к социальным иерархиям переходят в “нематериальную” область, то-есть в чисто *информационную сферу*.

Иначе говоря, становится важным не то, какими богатствами распоряжается человек, – но каков его *социальный статус*. А значит, *мотивы* участия человека в борьбе за социальную иерархию – уже не обусловлены жестко его экономическим

положением, но могут определяться *многими совсем иными причинами*, включая, допустим, религиозную принадлежность, этническую идентичность, культурную ориентацию и т.п. В результате в одном “лагере борцов” (за инверсию иерархии – либо против инверсии) может оказаться, по-видимому, весьма *разношерстная публика*, порой без какого-либо общего “цементирующего начала”. Но даже в такой “потенциальной каше” мы попробуем отыскать какие-то “твердые ориентиры”.

“А дальше – как Господь подскажет / Когда на прикуп дама ляжет...” (так пел в знаменитом “гусарском цикле” замечательный бард 1970-х Фред Солянов): все наше изложение весело пойдет “под горку”, почти автоматически, плавно, без “теоретических затей” – путем простого развертывания, конкретизации полученных выше выводов и иллюстрации их примерами. Речь будет идти о *персонажах* – людях, через которых материализуются процессы, дедуцированные нами выше.

Поскольку *истинный* (хотя обычно скрытый от неискушенного наблюдателя) *корень* интересующих нас конфликтов – в *борьбе за иерархию*, доминирующую в социуме, – нам следует рассмотреть фигуры, выступающие с *двух сторон*.

Во-первых, в социуме всегда существуют *консервативные сторонники* старой иерархии. Логично предположить, что это – в основном привилегированные персоны, которые не желают утратить свои высокие позиции. Такие “тени прошлого” (почти по А.А.Фету – “*тени без конца*”) хорошо известны, – ибо они, как правило, находятся у всех на виду. В недавнем отечественном прошлом (“застойный период”) к ним относилась преимущественно партийно-советская номенклатура, принадлежавшая к разным “этажам” иерархии. В настоящее же время это, главным образом, – так называемая “элита”, то есть либо наследники номенклатуры прошлого, либо современные “нувориши”, которым удалось баснословно быстро захватить лидирующие позиции в некоторых областях экономической (либо социальной, либо культурной) жизни. Но на этих достаточно скучных, тривиальных персонажах мы далее не будем останавливаться.

А во-вторых, в социуме, несомненно, должны иметься также и *сторонники инверсии* – замены парадигмы на новую. Что же это за персонажи?

Прежде всего, сторонников этих – должно быть, по-видимому, совсем *немного* – уже хотя бы потому, что в настоящее время креативная деятельность – пока что удел очень небольшой “верхушки”, а к тому же распределение населения по степени креативности (об этом речь шла выше) отличается чрезвычайно высокой неравномерностью. Но, несмотря на немногочисленность, представители данной “креативной верхушки”, как правило, чрезвычайно активны и способны увлечь за собой достаточно широкие социальные группы. Однако все же *уязвимость* этих немногочисленных (“штучных”) сторонников нового – заключается именно в их малом количестве, вследствие чего у них может возникнуть соблазн: *присоединить* к себе других сторонников перемен. Но “примкнувшие” несут с собой, разумеется, какие-то элементы идеологии, – так что порой альянс в целом оказывается *убыточным* (или даже *ублюдочным*), зачастую компрометирующим первоначальную идею перемен. [А иногда может быть еще хуже – если представители новой “креативной верхушки” – сами просто примкнут к какому-либо уже готовому “протестному движению”, игнорируя его суть.]

Такое имело место в недавней волне событий, прокатившихся за последние два-три года по странам Магриба – и не только: социально-психологическая окраска волн оказалась весьма уродливой, с элементами национал-патриотизма, религиозного фундаментализма, антисемитизма, фашизма, *etc.* Это в особенности характерно для очень неблагополучных социумов: здесь ситуацию можно уподобить камню, находящемуся на склоне холма, – не столь важно, в какую сторону толкнуть камень, – в итоге он все равно покатится вниз. Зачастую ситуацию усугубляет также идейная неподготовленность (а порой полная теоретическая безграмотность) среды «новаторов»: например, отечественная история складывалась, увы, так, что все области этой среды (включая научную и художественную) претерпели сильные «разрушающие воздействия» со стороны правящего режима, и вся она оказалась фактически обескровлена, утратила свою лучшую интеллектуальную фракцию, – плоды чего теперь приходится пожинать – порой у руля оказываются далеко не самые достойные личности.

Переходя к более широкомасштабному анализу, мы должны признать, что стоим на пороге совершенно неожиданного (если стоять на традиционных позициях), *нового этапа социальных конфликтов*, – которые порождаются *чисто информационными мотивами* (а вовсе не мотивами «вещественными», – что вызывает изумление в кругах профанов-материалистов). На самом деле, несмотря на разницу в «обличиях», имеют место конфликты между носителями *креативно-инновационного сознания* – и приверженцами *идеологии предыдущего этапа*, а совсем грубо говоря, – между «творцами и быдлом» (хотя об устарелости последнего термина нам уже приходилось писать; корректнее было бы говорить о «паразитах» либо о применявшемся Пушкиным понятии «чернь»). И тут в одном ряду оказываются конфликты, имеющие, на первый взгляд, совершенно разную природу. Вот лишь несколько их примеров (автор отобрал те ситуации, с которыми ему пришлось сталкиваться лично и которые произвели на него сильнейшее чувственное воздействие):

– В Париже – контрасты между атмосферой вокруг интеллектуального центра (скажем, Латинского квартала) – и таковой в районах «негритянских гетто» близ отдаленных станций метро (где кучкуются преимущественно деклассированные элементы). В случаях, когда эти полюсы соприкасаются, – происходит «короткое замыкание», порой с кровавыми последствиями, и зачастую «быдло» одерживает верх, – ибо оно многочисленнее, а иногда и лучше организовано. Конечно, это его *беда* – темнота, необразованность и неустроенность большинства гастарбайтеров и аналогичного контингента. Но его *вина* – упрямое стремление принести «в гости» свои психологические и культурные установки, разрушающие установки «хозяйские» (в чужой монастырь – свой устав), а по некоторым сценариям – даже вытесняющие хозяев (роман «Мечеть Парижской Богоматери»).

– В истории отечественной науки – происшедшее в 1940-х годах подавление передовой советской генетики – силами собственного научного, «биологического быдла», группировавшегося вокруг лысенковской школы. *A propos*, как утверждают историки советской науки, – это был лишь фрагмент широкомасштабного наступления на целый ряд наук (включая физику), и частично предотвратить его

удалось едва ли не чудом, – апеллируя к потребностям оборонной техники. Здесь трудно усмотреть какую-либо *беду* подавителей (если не считать их алчности), *вина* же их (и за искалеченные судьбы ученых, и за потери для мировой науки) – велика, и до сих пор никто не наказан, и даже имеют место попытки их реабилитации.

– Происходящее ныне удушение (под видом «оптимизации») отечественной фундаментальной науки, образования и «высокой» культуры. Оно также осуществляется усилиями «волонтеров» из своей же сферы; такие «добрые молодцы» (делающие, однако, низменную работу) всегда найдутся даже, казалось бы, в самой благородной сфере. Но иногда для этого привлекают пресловутых «универсальных управленцев», интеллектуальный уровень которых порой бывает просто анекдотичным. У этих вовсе нет никакой *беды*, а их *вина*, думается, скоро станет очевидной для всех (хотя пока налицо лишь отдельные признаки; истинный же облик данного феномена, надеемся, прояснится в свете идей данной статьи).

Несмотря на внешние различия, подлинные *информационные* (то есть ментальные) *причины* приведенных феноменов, равно как и множества иных, аналогичных современных явлений, – совершенно идентичны, инвариантны относительно их конкретного материала. Это – попытки *воспрепятствовать* переходу к новой социальной иерархии, и – увы! – порой такие попытки оказываются успешными, – в результате чего происходит *регресс* какой-то области креативной деятельности – либо даже всей социально-психологической жизни. «Кадровый» аспект подобных процессов (их «наполнение» надлежащими конкретными персонажами) – может выглядеть по-разному, и по-разному могут складываться судьбы их участников: кто-то выиграет, а кто-то проиграет. Но конечный *социальный итог* происходящей борьбы (значимый для социума в целом, по крайней мере в долговременной перспективе) – всегда ясен: это либо прогрессивный переход к новой иерархии, – либо откат назад, замедление прогресса или даже крах всей социокультурной системы, – и тогда трудно говорить о судьбах персонажей!

[А *propos*, применительно к нынешней отечественной реальности, можно нарисовать образы “идеальных героев” старой и новой иерархий, – на них, возможно, ориентируются и те персонажи, которые уже начинают свою борьбу.

Идеалом предыдущей, советской эпохи были честные труженики, самоотверженно борющиеся за высокие достижения, прекрасные исполнители, люди высокой нравственности, абсолютно лояльные режиму, готовые за него пожертвовать даже жизнью, – но по вечерам сочиняющие доносы на сослуживцев. Они – не креативны, но зато многочисленны и достаточно стандартны (что облегчает их организацию в группы); и недаром один из нынешних министров-реформаторов выразился по поводу подготовки кадров, что ему *“не нужны мыслители”*, а нужны исполнители. Расплатой за такую *“идиллию”* были многочисленные жертвы, – но это казалось не столь страшным в условиях многочисленного населения; страшным же было формировавшееся пренебрежение к жертвам, к человеческой жизни – *“лес рубят...”* А вот идеалом предстоящей креативной эпохи должны, очевидно, стать люди изобретательные, – а потому, возможно, нарушающие некоторые социальные и этические нормы, вплоть до обращения к криминалу. Они – *“штучный товар”*, и в силу высокой индивидуальности, оригинальности – с трудом поддаются объединению в группы; одним из результатов такой специфичности является высокий индивидуализм, каковой противоречит традиционной русской ментальности и потому затрудняет создание соответствующей среды общения.]

Можно было бы привести целый ряд иных следствий перехода к новой иерархической структуре, и следствия эти могут быть самого разного уровня, масштаба. Так, оптимальные размеры коллективов, занятых творческой деятельностью, целесообразно уменьшать, – в частности, путем разукрупнения больших НИИ. (Это – диаметрально противоположно проводимому ныне курсу на укрупнение и централизацию институтов!) То же относится и к масштабам самоуправляемых регионов, – конечно, если их функционирование не паразитирует на *“нефтяной игле”*, – а базируется на креативно-информационной деятельности. Но подобные материи, несомненно, заслуживают отдельного рассмотрения, – дабы не воспрепятствовать восприятию логики нашего повествования.

4. Что делать? Советы по оптимизации «фиолетовых революций»

Лишь мы, работники всемирной
Великой армии труда,
Владеть землей имеем право,

А поросята – никогда!

Это есть наш последний
И решительный бой!
С «Интернасьоналом» –
Воз пряников в рот людской!

*Обратно детские воспоминания
о слушании гимна по радио*

Коль скоро (а на самом-то деле – увы, не так уж скоро) нас неминуемо ждут *крутые социальные перемены*, – было бы желательно к ним заранее подготовиться, – чтобы способствовать их оптимальному протеканию. Иначе говоря, нам предстоит ответить на «второй традиционный» русский вопрос: *что делать?* (А ответ на «первый традиционный» вопрос: *кто виноват?* – думается, уже понятен, – по крайней мере применительно к российским реалиям.) Что можно сделать для наиболее *благоприятного протекания* предстоящей инверсии иерархий? Ведь вряд ли «воз пряников» сам по себе потечет в должную сторону, на радость потребителю.

Во избежание недоразумений сразу же заметим, что речь будет идти о некоей «идеальной модели» (желательном сценарии) социального процесса принципиально нового типа, диаметрально противоположного всевозможным предшествовавшим «революциям масс», – о «*революции креативных элит*». Такие процессы можно было бы назвать «*фиолетовыми революциями*» – в пике модному ныне (в официальных и иных околоинтеллектуальных кругах) термину «*оранжевые революции*». Почему в нашем случае уместен именно фиолетовый цвет? – По двум причинам. Во-первых, этот цвет встречается в природе очень *редко* (ибо его спектральное положение удалено от максимума солнечного излучения) – и столь же *редко* (пока!) встречаются креативные личности. А во-вторых, фиолетовый цвет является *новым* для человеческого восприятия (эволюция наших рецепторов сделала этот участок спектра доступным для нас всего лишь две-три тысячи лет назад) – и столь же *новой* (для социальной жизни) является ведущая роль креативности.

Приступая к «конструированию» переходного процесса, ведущего к новой иерархии, нам следует, очевидно, начать с той фундаментальной черты креативности, о которой ранее уже говорилось, – *резкой неравномерности распределения* участников творческого процесса по интенсивности их деятельности

(имея в виду сугубо элитистский характер креативности). В особенности это относится к *самой* верхушке распределения: обычно на несколько самых видных персонажей (в любой области творческой деятельности) приходится львиная доля создаваемой продукции, славы, *etc.* Более того, зачастую эта львиная доля приходится на одного человека – «главного лидера» данной области творческой жизни данного региона. [Об этом свидетельствуют, например, статистические данные, характеризующие музыкальную жизнь 15 европейских стран на протяжении XIII – XX вв., по данным музыкальных энциклопедических изданий (Харуто, 2013): в некоторых случаях на главного лидера приходится до 20-30% всего объема информации, посвященной музыкальной жизни страны. Если же рассматривать творческую жизнь каждой страны с разбивкой по эпохам (скажем, по десятилетиям), – то на главного лидера какой-либо эпохи может падать до 90% объема информации.]

Чаще всего «верхушка» распределения формируется за счет какой-либо «созвучной встречи» *двух или трех* выдающихся *креативных лидеров*, и это относится к любой области деятельности. Тому имеется много примеров. Так, в истории русского театрального искусства осталась замечательная встреча К.С.Станиславского с В.И.Немировичем-Данченко в московском ресторане «Славянский базар»: многочасовой ужин (меню которого сейчас уже подробно – и с завистью – изучено учеными-искусствоведами, а недавно, по случаю юбилея, было повторено в натуре) воплотился в концепции нового художественного направления, каковое, в свою очередь, воплотилось в учреждении Московского Художественного театра. Автору вспоминается панно, увиденное несколько лет назад в Мемориальном центре в Тайпее (Тайвань), – изображена историческая встреча двух лидеров китайского социализма: Сунь Ят-сена и Чан Кай-ши, – происшедшая, правда, не в ресторане, а в купе скорого поезда. Горделивые профили бинарных персонажей в вагонном окне – очень напоминают двойные медальоны Маркса-Энгельса, Ленина-Сталина и других героев соц-арта. [Впрочем, автору этих строк самому приходилось участвовать в аналогичных креативно-инициативных бинарных встречах; а вот какие из них останутся в истории – покажет время.]

Необходимо отметить одну важную особенность, характерную для формирования вышеуказанного “ядра” новой креативной иерархии. Ввиду малочисленности – и, вместе с тем, его сильного влияния на всю иерархию, – иногда какие-либо случайные, кажущиеся второстепенными черты “отцов-основателей” (либо черты ситуации, в которую они погружены), какие-то “*локальные характеристики*” – могут оказаться весьма существенными для всего последующего развития иерархической структуры. Данную особенность надо обязательно учитывать и отслеживать при анализе эмпирически наблюдаемых социальных процессов.

[Автору этих строк трудно удержаться от биографической параллели – сравнения той среды, в которой протекли его отроческие и юношеские годы (начало 1950-х) – и той, в которой протекла молодость его коллеги, являющегося ныне одним из “дедов” – столпов отечественной социально-педагогической науки, – назовем его Дедушкиным. Мне лично в каком-то смысле повезло: моя юность прошла в Замоскворечье (что, как заверяют диалектологи, до сих пор сказывается на моем произношении – “старомосковском”); это было на Стрелке, как раз напротив Кремля, и многие одноклассники жили в знаменитом “Доме на набережной”, происходили из “сановных” цековских и совминовских семей, – так что нам были известны многие детали кремлевских интриг, их подноготная, и мы спокойно смотрели на дома на другом берегу реки – вовсе не “снизу вверх”. А вот юность Дедушкина прошла в Сокольниках, – тогда это была далекая московская окраина, и они относились ко всему идущему из центра – как к “ниспосланному свыше”. Такая разница обусловила и различия во всем последующем поведении: Дедушкин и его “плеяда” уже в студенческой среде проявили себя как припавшие к “тропе смирения” – и потом успешно влились сначала в комсомольское, а затем в партийно-советское официальное русло, – тогда как автору этих строк и его окружению – удалось выбрать для себя путь нон-конформистский, впоследствии влившийся в русло так называемой “Параллельной культуры”, – см. Грибков, 1999.]

Но все-таки наиболее важной при “конструировании” нашей “фиолетовой революции” – является проблема поддержания “*идейной чистоты*” (в каком-то

смысле – “чистоты расы”). В самом деле, ведь сколь-либо масштабный социальный процесс, как уже отмечалось ранее, – будет неизбежно вовлекать в свою орбиту также и какие-то иные “*протестные движения*”, притом гораздо более мощные, чем интересующее нас движение “за креативную инверсию”. А у каждого движения может иметься собственная мотивация – и, разумеется, стремление построить свою *собственную иерархию* (объектов мира, ментальных категорий, конкретных персонажей, *etc.*). Можно ли противостоять смеси столь «разномощных» иерархий? (В старое время по таким поводам использовали гастрономическую прибаутку: «*Паштет пятидесятипроцентный – один рябчик, один конь*».)

Тут остается возлагать надежду на «силу духа», на истину, которая способна одержать верх над грубой физической силой, многочисленностью и т.д. (Когда-то поэт выражал пожелание: «*Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо...*»; но нам хотелось бы гораздо большего: чтобы уже в ближайшем будущем интеллектуальные воздействия оказались во много раз сильнее физических.) А потому единственной рекомендацией может быть *высокое качество идеологии*, составляющей основу новой иерархии: она должна быть стройной, в высочайшей степени самосогласованной, широкоохватной – пусть это даже будет что-то вроде марксизма в былые времена, – а сейчас на роль фундамента для такой идеологии вполне может претендовать системно-информационный подход. Тогда, по-видимому, можно будет подчинить ей иные идеологии, за счет их видоизменений.

[Можно воспользоваться аналогией, восходящей к электротехнической молодости автора: в любой энергосистеме, состоящей из многих электростанций, всегда должна быть одна “станция, ведущая по частоте”, которая хоть и обладает небольшой мощностью, – но имеет очень жесткие характеристики, позволяющие ей строго поддерживать частоту, нужную данной энергосистеме (в Европе это 50 герц). Все другие станции вынуждены “подтягиваться” под ее частоту.]

В свою очередь, чтобы такая «основная идеология» смогла сгруппировать вокруг себя разнообразные иные движения, – ей надо иметь, вблизи себя, должную «*среду общения*». В советском прошлом примерами подобной среды были всевозможные дома ученых, дома творчества и т.п., по крайней мере в крупных

городах, а также в академгородках; сейчас, к сожалению, значимость этих «очагов креативности» резко упала (и более того, на них ведется массивное наступление – ведь противники инверсии не дремлют!). Причем живую коммуникативную среду едва ли могут заменить современные электронные коммуникации, в особенности когда речь идет о персонажах, принадлежащих к самым верхним этажам иерархических структур: ведь здесь мы имеем дело с общением совершенно уникальных, ярких индивидуальностей.

[Отдельно следовало бы хотя бы кратко остановиться на возможной роли Интернета в реализации рассматриваемой траектории. Роль эту можно трактовать двояко. С одной стороны, несомненно позитивен вклад данной среды в информационное обеспечение всех протекающих в социуме процессов. Но с другой стороны, зачастую среда эта оказывается крайне разупорядоченной, несущей “хаос вместо иерархии”, в особенности для неопытной, молодежной аудитории (а именно “каша”, “мутная водичка” нужна противникам интересующей нас инверсии). Поэтому, очевидно, хорошо было бы тщательно изучить конструктивные потенции этой среды, – а не только ее “разрушающие” свойства.]

Нельзя не отметить *опасность*, подстерегающую «конструктора» нашей «фиолетовой революции»: в случае, если процессу не удастся придать должную, прогрессивную направленность, – результат может оказаться сугубо негативным. Вместо желанной «демократии» (каковая, для простоты и популярности, чаще всего прокламируется в качестве главной цели почти любого протестного движения) – может прийти «охлократия», или господство орды (недаром это слово восходит к монгольскому «*ардын*» – народный), а в европейской традиции эту торжествующую серость и чернь принято именовать «абнегизмом» (по имени мистера Абнего – «серого персонажа» Уильяма Тэнна – см. подробнее: Петров, 2013, с. 207). Более того, следуя европейской традиции, данный вариант имело бы смысл назвать не демократией, а «мердократией» (если процитировать знаменитый термин наполеоновской гвардии – в ответ на предложение сложить оружие!). Так что вместо «пост-демократического» общества – есть опасность оказаться в обществе «пред-феодальном». *A propos*, подобные «странные метаморфозы», происходящие в

ходе революционных процессов, являются для них скорее правилом, чем исключением. (Не будем далеко ходить за примером – возьмем социальные трансформации, происходившие в России после 1917 г., равно как и после 1985 г.)

Подчеркнем еще раз: дабы избежать описанных опасностей, – следует строить переходной процесс на *научной основе*, – для чего, разумеется, нужны соответствующие исследования, – социологические, психологические, культурологические. Но они, увы, не проводятся (наоборот, им чинятся всяческие препятствия) – так что уже не один раз социальные волнения застают врасплох даже отечественные «властные структуры». Чего же тогда можно требовать от самих участников «инверсионных» событий? А требовать-то надо, – дабы траектория процесса не пошла по ложному пути!

Здесь сделать надо многое, и кое-что очевидно, а кое-что – нет. Из последнего – то, что начинать надо с формирования должной *общей идеологии*, – включающей в себя, в качестве одной (хотя и важной!) компоненты – *теорию креативной среды*. Эта общая идеология должна быть, конечно, достаточно высокоуровневой, а значит, – элитарной. Таким образом, «конструкторам» надо начинать с самих себя, а уже потом идти по пути расширения и конкретизации областей практического применения. Но ведь именно такова логика любого современного крупного проекта, – относится ли он к созданию атомной бомбы – либо к расшифровке человеческого генома! Было бы наивно надеяться, что в социальных науках – и в частности, в области эволюции креативной среды – удастся получить конструктивные результаты, не обращаясь к серьезным междисциплинарным исследованиям.

*

*

*

Кто и шутя и скоро пожелает *пи* узнать число ужь знает.
*Гимназическое (до реформы правописания,
 а значит и до Октябрьского переворота)
 правило зубрежки числа π*

К чему мы пришли в итоге? Куда надо запрягать коня? и когда? и какого такого «практического коня»? – Пока не на все эти вопросы мы в состоянии ответить удовлетворительно, но на некоторые, думается, ответы уже дали. А вот на главный-то вопрос – *когда?* – ответ стал очевиден, – хотя для полной очевидности

было бы желательно заново перечитать данный текст – и интерпретировать в его свете многие процессы, которые сами по себе уже давно известны.

Фактически «фиолетовые революции» уже начались, и повсюду – и в мире, и в каждой стране, – но, разумеется, в разной степени выраженности. Равным образом началось и противодействие им. Это надо понимать, равно как и то, куда конкретно направлено острое усилие, предпринимаемых охранителями старой иерархии. Конечно же – что вполне логично – они должны быть направлены прежде всего против самих *оснований инновационного мировоззрения*, против междисциплинарности, против измерений, за «исконно-посконный патриотизм» – национальный, профессиональный, клановый, *etc.* [В отечественной социально-психологической сфере это проявилось “своеобразно”, то есть особенно уродливо – в “реформаторской” деятельности соответствующих официальных органов. Впрочем, после Дж. Оруэлла нам не привыкать к тому, что Министерство мира – организует войну, Министерство изобилия – голод и т.д.] Как можно реагировать на эту необъявленную (и стыдливо маскируемую) войну?

Самый *простой*, “горячий вариант” реакции мы уже проходили – его выразил Александр Блок (как человек честный, он потом заплатил жизнью за это):

Мы на горе всем буржуйам
Мировой пожар раздуем,
Мировой пожар в крови,
Господи, благослови!

И нам прекрасно известны не только непосредственные последствия такой реакции, но и *посредственные*, – имея в виду не только господство посредственности и серости (что нас сейчас интересует в плане креативности), но и последствия отдаленные, включая наблюдаемые ныне социально-политические явления глобально-катастрофические. Очень дорогой может оказаться плата за простое присоединение к любому движению, могущему хоть что-то изменить в существующей ситуации.

Есть другой выход – *остаться в стороне* от наступающих социально-психологических изменений, дать “фиолетовым революциям” идти “своим чередом”. Но такой *пассивный путь*, на наш взгляд, – позор для интеллектуала (в особенности российского), ибо задействованные в конфликте силы – как правило,

явно неравны, и очень велика вероятность поражения инноваторов – либо развития событий по неблагоприятному сценарию. А ведь переходной процесс неизбежен, от него никуда не скрыться, и от его исхода зависит вся дальнейшая траектория данной социальной системы, а в некоторых случаях "траекторные последствия" могут обрести глобальный масштаб!

Наконец, остается вариант гораздо более благополучный, менее кровавый, – но нуждающийся в приложении интеллектуальных усилий (от чего наша научная братия, увы, отвыкла; официозные же круги, включая "реформаторов", вообще никогда не имели дела с подобными материями). Именно его мы и предлагаем: начать, как уже говорилось, с "азов" – с *фундаментальной теории*, включающей в себя такой важный фрагмент, как *модель креативной среды* и ее связей с *социальными процессами*. Хотелось бы, чтобы данная статья внесла вклад не только в теорию этих процессов, но и в их текущую, живую *практику*.

По крайней мере, хотелось бы внести ясность во взгляды на протекающие процессы. (Вот как раз против такой ясности сейчас и ведут войну противники действительно необходимых социальных перемен: в "мутной водичке" труднее найти правимльную траекторию изменений, легко заблудиться и испугаться!) Жизнь представляется калейдоскопом. По ней бродят носители самых разных взглядов: инноваторы, традиционалисты, исламисты, марксисты, террористы, патриоты, бандеровцы, маоисты, буддисты... Что кроется за этими масками? Каковы их проекции – воздействия на эволюцию социально-психологической сферы? Или это лишь разные обличия, как в случае Евгения Онегина, который мог обернуться

Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой –
Иль масколей щегольнет иной?

Если нам удалось помочь читателю с прояснением хотя бы этого аспекта нынешней реальной жизни, – автор будет счастлив!

**Contradictions in the creative environment of the informational society:
Arising social and psychological problems.**

Abstract. Being the key factor at the contemporary stage of social development, creativity generates some social conflicts dealing with its inhomogenous (Price law). Growing 'elitism' of labour hierarchy contrasts with traditional 'pseudo-democratic' attitudes, as well as with 'parabolic regularity' (decreasing inequality – S.Kuznets) in socio-cultural dynamics. Psychological features of main 'personages' are considered which take part in social for the change of dominating hierarchy. The struggle has various 'faces,' this circumstance complicating peaceful solving of sharp conflicts.

Keywords: information, creativity, innovations, culture, art, politics, scientometrics, hyperbolic distributions, inequality, post-democratic society.

Литература

Голицын Г.А. Информация и творчество: На пути к интегральной культуре. М.: Русский мир, 1997.

Голицын Г.А., Левич А.П. Вариационные принципы в научном знании // Философские науки, 2004, № 1. С. 105-136.

Голицын Г.А., Петров В.М. Гармония и алгебра живого (В поисках биологических принципов оптимальности). М.: Знание, 1990.

Голицын Г.А., Петров В.М. Информация. Поведение. Творчество. М.: Наука, 1991.

Голицын Г.А., Петров В.М. Социальная и культурная динамика: долговременные тенденции (информационный подход). М.: КомКнига, 2005.

Грибков В.С. (ред.). Параллельная культура: Интегративное направление в современной российской культуре. М.: Смысл, 1999.

Петров В.М. Информационная парадигма в науках о человеке // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2007, т. 4, № 1. С. 95-108.

Петров В.М. Элиты: становление и развитие иерархий. Информационный подход // Психология элиты. Идеология. Стратегия. Мораль, 2009, № 2. С. 48-59.

Петров В.М. Социальная и культурная динамика: методология прогнозирования (информационный подход). М.: Либроком, 2013.

Петров В.М., Яблонский А.И. Математика и социальные процессы (Гиперболические распределения и их применение). М.: Знание, 1980.

Ушаков Д.В. (ред.). Творчество: от биологических оснований к социальным и культурным феноменам. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011.

Харуто А.В. Исследование исторической статистики музыкальной деятельности // В.М.Петров, А.В.Харуто, Н.Н.Корытин (ред.). Количественные методы в искусствознании. Сборник материалов Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Г.А.Голицына. 20-22 сентября 2012 г. Екатеринбург: Изд-во «Артефакт», 2013. С. 27-39.

Eysenck H. Genius: The natural history of creativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

Golitsyn, G.A., & Petrov, V.M. Information and creation: Integrating the 'two cultures.' Base; Boston; Berlin: Birkhauser Verlag, 1995.

Koestler A. The ghost in the machine. New York: Macmillan, 1968.

Martindale, C. Fame more fickle than fortune: On the distribution of literary eminence // *Poetics*, 1995, vol. 23. Pp. 219-234.

Price, D. Little science, big science. New York: Columbia University Press, 1963.

Simonton, D.K. Creativity in science: Chance, logic, genius, and zeitgeist. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.

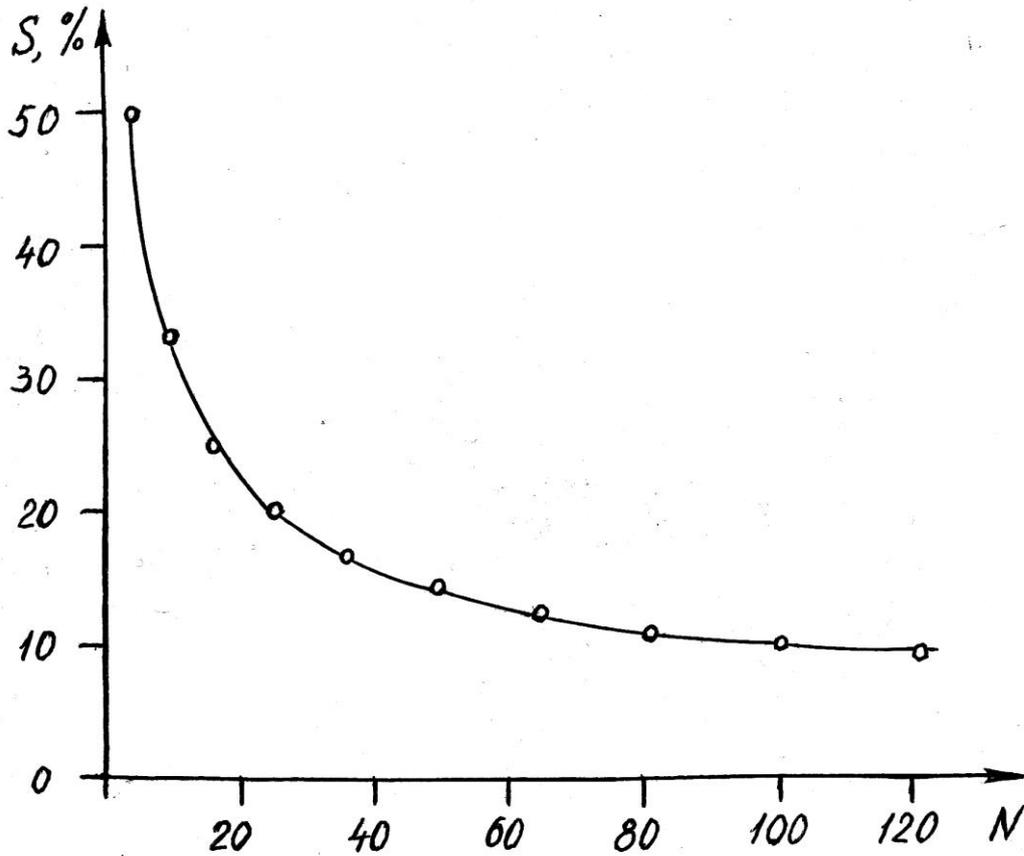

Рис. 1. Закон Прайса: доля творческой элиты ($S, \%$) в функции числа участников творческого процесса (N).

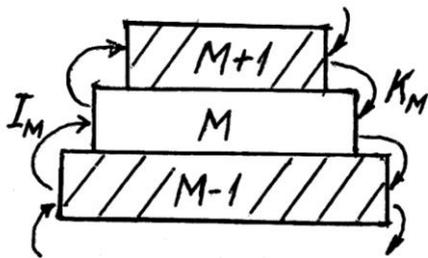
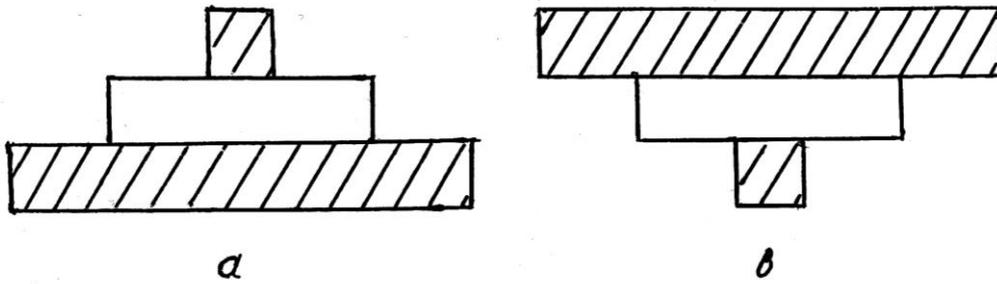

Рис. 2. Иерархическая информационная структура

Рис. 3. Значимость различных уровней в до-креативной стадии (a) и после (b).

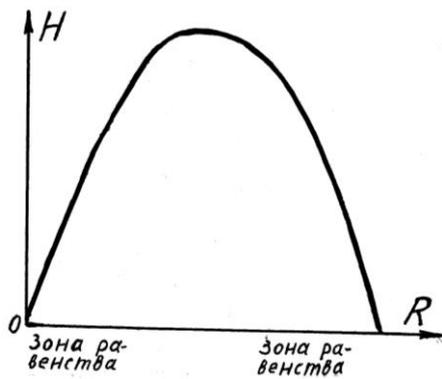

Рис. 4. Закон Казнеца: степень социального неравенства (энтропия H) в функции общего объема ресурса системы (R).